Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ОРГАН ТОМСКОГО ОБКОМА И ГОРКОМА ВКП(б), ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 123 (7133) | Суббота, 23 июня 1945 года | Цена 20 коп.

Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ВЕНГЕРСКИЕ УЧЕНЫЕ, ПИСАТЕЛИ И РАБОТНИКИ ИСКУССТВА К ТОВАРИЩУ И. В. СТАЛИНУ

„Москва, Кремль, Маршалу СТАЛИНУ

Венгерские ученые, писатели и работники искусства, собравшиеся на учредительное собрание венгерского общества культурной связи с СССР, обращаются к Вам от имени всех прогрессивных сил Венгрии с выражением любви и благодарности.

Освобождение Венгрии победоносной Красной Армией создало возможность свободного умственного и культурного развития в нашей стране.

Мы никогда не забудем того, что на почве, политой кровью героических сынов Советского Союза, теперь растет и крепнет венгерская культура, освобожденная от немецко-фашистского влияния и изменников Родины.

Начиная работу по организации советско-венгерских культурных связей, мы желаем, чтобы эти связи укреплялись до взаимного понимания и глубокой искренней дружбы.

Просим Вас, господин Маршал, благосклонно принять наши намерения, направленные на процветание культуры наших народов.

По поручению учредительного собрания

Л. ЗИЛАХИ, Ю. ГАЙ».

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины

Вечернее заседание 18 июня

На вечернем заседании начался допрос свидетелей. Первым допрашивается свидетель **В. М. Герман**, майор польской армии, профессор Львовского политехнического и ветеринарного институтов. Герман показывает, что с февраля 1943 года он являлся комендантом, т. е. командующим Станиславским военным округом «АК». В момент освобождения Львова Красной Армией он находился в городе Стрые, который входил в состав Станиславского округа «АК». В июле 1944 года, показывает свидетель Герман, он участвовал в созванном комендантом Львовского обшара «АК» генералом Филипповским совещании, где генерал Филипповский определил задачи «АК» на случай вступления Красной Армии на территорию обшара. «АК» должна была создать видимость активной борьбы против немцев, чтобы впоследствии после прихода Красной Армии, выступить в роли хозяина положения на территории обшара и представить себя в качестве той военной силы, которая вела активную борьбу против германских войск. Вместе с тем Филипповский приказал избегать потерь, сохранять живую силу, оружие и нелегальную технику.

На вопрос прокурора, чем руководствовался Филипповский, дав такие указания, свидетель Герман показывает, что кадры, оружие и техника сохранились в целях подготовки вооруженного восстания или войны против Советского Союза.

Прокурор: Кто эти установки давал?

Герман: Это были общие установки главного командования «АК», которые на совещании нам передал генерал Филипповский.

Прокурор: Приказ о роспуске «Армии Крайовой» вы получили?

Герман: Приказ был издан генералом Филипповским в конце июля или в начале августа 1944 года. Тогда я во Львове не был и этого приказа лично не получал, но узнал о нем позднее от преемника генерала Филипповского на посту коменданта обшара подполковника Янсона. Янсон мне сказал, что вместо «АК» создается новая нелегальная организация «НЕ», задачей которой является вооруженное восстание в тылу Красной Армии.

Прокурор: Диверсионная деятельность вами проводилась?

Герман: Да, проводилась. Она была предусмотрена уставом «НЕ». Диверсионно-террористическая деятельность была направлена против представителей военного командования Красной Армии, советских деятелей и вообще людей, особо опасных для «АК».

Из дальнейших показаний Германа выяснилось, что на территории Станиславского военного округа «АК», куда входили Станиславская и Дрогобычская области, насчитывалось около 3.000 членов «АК», располагавших оружием и боеприпасами. Диверсанты готовились взорвать мост через Днестр, намечали диверсии на железных дорогах.

Герман, отвечая на вопросы членов суда, показал, что во время немецкой оккупации Польши члены «АК», в том числе и сам Герман, вели переговоры с представителями военного командования союзной Германии Венгрии. Венгерское командование запросило у «АК» людей для ведения в тылу Красной Армии разведки в пользу Венгрии.

Суд допрашивает далее свидетеля **Ф. А. Янсона**, который служил в польской армии с 1929 года — майором, затем подполковником. В последнее время занимал должность коменданта Львовского обшара «АК».

Янсон показывает, что в мае или июне 1944 года он был в главном командовании «АК» в Варшаве, где получил устные директивы и письменный устав организации «НЕ».

Прокурор: С кем вы встретились в Варшаве?

Янсон: В первый день я встретился с главнокомандующим «АК» генералом «Бур»-Комаровским, его заместителем, носившим кличку «Недзвядек» или, как я узнал здесь, г-ном Окулицким, а также с шефом штаба «АК» Пелчинским.

Прокурор: Изложите конкретно — какие задачи стояли перед организацией «НЕ»?

Янсон: Задачи были следующие: сохранить штабы, их отделы, сохранить и подготовить кадры, чтобы они могли, в случае необходимости, поднять восстание.

Прокурор: Конечная цель — организация вооруженного восстания?

Янсон: Да, вооруженного восстания.

Прокурор: Против кого?

Янсон: Вооруженное восстание против Советского Союза.

Прокурор: А указания насчет организации вооруженных боевых отрядов вы получали?

Янсон: Такая директива была: надо иметь отдельные боевые отряды и ликвидационные группы, которые бы осуществляли террористические акты над противниками «АК» и представителями советского военного командования.

В ходе допроса свидетеля Янсона ему дается очная ставка с ранее уже допрошенным свидетелем Германом. В результате очной ставки выясняется, что члены «АК», руководствуясь указаниями главного коменданта «АК», рассматривали войну между Польшей и СССР, как неизбежную. Свидетель Герман заявил, что он и Янсон, беседуя при встрече по поводу будущей войны Польши с СССР, говорили о Германии, как о возможном союзнике Польши в борьбе против СССР.

Суд допрашивает далее свидетеля **А. Ю. Кузьминского**, который дает показания на польском языке. Отвечая на вопрос прокурора, Кузьминский показывает, что он вступил в «АК» в 1943 году, был вначале комендантом обшода, а затем инспектором Стрыйского инспектората, имел в своем подчинении 1.200 человек, в том числе 300 вооруженных.

Прокурор: Каковы были приказы и указания, в чем заключалось содержание вашей подрывной работы в тылу Красной Армии?

Кузьминский: Первое — это перевести «АК» в подполье. Затем законспирировать и спрятать вооружение, кроме того, организовать вооруженные отряды и террористические группы.

Прокурор: С какой задачей?

Кузьминский: Для выступления, в соответствующий момент, против Красной Армии.

Перед судом — свидетель **С. М. Свечковский**, который заявляет, что его настоящая фамилия Клевенхаген. Свечковский показывает, что в польской армии он был летчиком в чине подхорунжего.

Свечковский показывает суду, что он возглавлял диверсионную № 8, которая существовала около г. Глова и была подчинена главному командованию «АК» в Варшаве. Непосредственным его начальником был майор по кличке «Ришард», который руководил разведкой в восточной части Польши. Впоследствии Свечковский был связан с офицером разведывательной службы «АК» по кличке «Болеслав», для которого систематически через свою сеть в 20—30 информаторов собирал шпионские сведения о Красной Армии.

Суд допрашивает далее свидетельницу **А. Л. Гролинскую**.

Гролинская показывает, что она является **участницей «Армии Крайовой»** с весны 1942 года и состояла в ней в качестве радистки, работая на радиостанции № 36.

Гролинская показывает, что после освобождения Львова советскими войсками она вела работу на радиостанции № 36 и регулярно поддерживала двусторонюю радиосвязь с польским эмигрантским «правительством» в Лондоне.

Гролинская имела пять конспиративных квартир, снабженных радиопередатчиками, с помощью которых она передала в Лондон, на радиостанции №№ 35 и 94 — 20 радиограмм и приняла из Лондона 13 радиограмм. Гролинская далее показывает, что в сентябре 1944 года она вместе с рядом других участников «АК» была арестована советскими военными властями и после данного ею обещания о прекращении подрывной работы освобождена. Гролинская признает, что свое обещание не сдержала и возобновила по заданию «АК» подрывную работу против Красной Армии. По ее заявлению, она получала от «АК» ежемесячно за свою работу 2.500 рублей.

Допрашивается свидетель **Ч. А. Станкевич**.

Командир вооруженного отряда «АК» по кличке «Комар», Станкевич показывает, что свой отряд в 100 вооруженных участников «АК» он создал по распоряжению майора «АК», носившего кличку «Крысь», и по устным или письменным приказам последнего производил террористические акты в тылу Красной Армии.

Отвечая на вопрос прокурора, Станкевич показывает, что по приказу майора «Крысь» он организовал убийства председателя Мало-Солешинского сельсовета Василевского, его жены и дочери, председателя Большеге-Солешинского сельсовета Новака и сестра-учительницу Лойка. Станкевич также показывает, что 6 января 1945 года в пуще Рудинской его отряд напал на группу советских военнослужащих, убив 50 красноармейцев и офицеров.

Из дальнейших показаний Станкевича выясняется, что его отрядом в деревне Лесная были расстреляны 7 советских военнослужащих и затем был осуществлен террористический акт над секретарем сельсовета деревни Калитанцы.

Прокурор: Все эти расстрелы, террористические акты вы совершали самочинно, по своей инициативе?

Станкевич: Нет, я все делал по приказу свыше, от командира северной группы отрядов Виленского округа «АК».

Прокурор: Значит, вся террористическая деятельность направлялась приказом из округа «АК»?

Станкевич: Да.

Допросом свидетеля Станкевича вечернее заседание заканчивается. (ТАСС).

Утреннее заседание 19 июня

На утреннем заседании суда продолжался допрос свидетелей, рассказывавших о конкретных фактах диверсионной и террористической деятельности отрядов «Армии Крайовой», действовавшей по прямым заданиям эмигрантского польского «правительства» в Лондоне и главного командования «Армии Крайовой» в Варшаве. Агенты эмигрантского польского «правительства» и подп. польского подпольного «правительства» в тылу Красной Армии выпускали провокационные листовки, в которых натравливали жителей на Красную Армию и советских работников. Свидетель Станислав **Дзялынский** (он же—Дзягмага)—комендант второго района «АК» города Вильно, одновременно руководивший отделом пропаганды и информации при делегате Жонду Виленского округа, показывает:

— В нашей работе мы сначала руководствовались указаниями делегата Жонду, а в последний период — указаниями, получаемыми непосредственно от польского подпольного «правительства» из Варшавы. Нам рекомендовалось внешне создавать видимость хороших дружеловных отношений к советским войскам, а в действительности организовывать враждебные выступления. Такие указания исходили также от «Рады Единости Народовой».

— Мы, — говорит в заключение свидетель Дзялынский, — вели подрывную работу в тылу Красной Армии, выполняли приказы польского эмигрантского «правительства» в Лондоне и подпольного «правительства» в Варшаве.

После Дзялынского суд допросил участников диверсий и террористических актов— **Лотаревича, Коленда, Урбановича и Неверовского**, вызванных по настоящему делу в качестве свидетелей. Участники «Армии Крайовой», они по приказу командования «АК» с оружием в руках действовали на тыловых коммуникациях Красной Армии, в то время героически боровшейся с немцами.

Лотаревич, прежде чем приступить к террористической деятельности в тылу Красной Армии, обучался в специальной учебной команде «АК». Лотаревич показывает, что его отрядом была обстреляна советская военная автомашина, перевозившая оружие. Шофер был убит, а груз забран отрядом «АК». В другом случае, после предварительной слежки, из засады были убиты четыре советских работника и один тяжело ранен.

Свидетель Коленда показывает, что в мае 1944 г. «АК» направила его в школу, готовившую диверсантов в тылу Красной Армии. В течение 20 дней их обучали методам минирования и взрывания железнодорожного полотна, шоссе, мостов.

Прокурор: Какие цели ставились перед вами?

Коленда: В нашу программу входила организация взрывов и крушений поездов в тылу Красной Армии. Я участвовал в этом же такого рода акте. Это было с 17 на 18 сентября 1944 года. Дата была установлена в специальном приказе.

На вопрос прокурора: почему именно в этот день, Коленда отвечает, что это была как бы демонстрация протеста против вступления в этот день в 1939 году Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины.

По ходатайству прокурора суд оглашает имеющийся в деле секретный приказ по польскому подполью об организации в день 17 сентября взрывов воинских эшелонов, автомашин, диверсий на железных дорогах, поджогов складов в тылу Красной Армии.

Свидетель **Урбанович**, допрашиваемый после Коленда, находился в одном из отрядов «Рагнера», который совершил многочисленные террористические и диверсионные акты против Красной Армии, грабил местное население, производил поджоги и т. п.

Прокурор: Что делал ваш отряд во время немецкой оккупации?

Урбанович: Мы воевали с советскими партизанами. Однажды наш отряд сражался с партизанами, которые в то же время отражали нападение немецких войск. Была случай, когда жандармы отряда «Рагнера» арестовали 12 или 15 человек, заподозренных в связях с советскими партизанами. На следующий день после ареста все они были расстреляны.

Когда немцы были отброшены Красной Армией, отряд «Рагнера» повел подрывную работу в тылу советских войск. Это сопровождалось ограблением мирного населения.

— 27 ноября 1944 года, — говорит Урбанович, — находясь в одной из деревень, мы узнали, что там ночует лейтенант Красной Армии. Его взяли во время сна, доставили в наш штаб и там расстреляли.

— В начале ноября 1944 года, — показывает далее Урбанович, — в штаб «Рагнера» был доставлен неизвестный мне советский гражданин. Я лично видел, как он был расстрелян взводным по кличке «Дженица» возле штаба. Мне еще известно о повешении нашим отрядом советского мирного жителя. В ноябре 1944 года дружина «АК» под командованием «Бровка», возглавляемая взводным «Дженицей», сделала вылазку за продуктами в одну из деревень, где был схвачен один из мирных советских жителей. Он был повешен. Я с двумя стрелками «АК» стоял в дозоре и охранял место казни.

Суд переходит к допросу свидетеля **Неверовского**.

Отрядом «АК», в котором он состоял, командовал Витольд Гладких.

Прокурор: Вы убили советского партизана в Гродненской?

Неверовский: Да. Он был захвачен в деревне. Я двумя выстрелами в голову его расстрелял. Труп Костюшина зарыли тут же.

В другом случае отряд, в котором находился Неверовский, в сентябре 1944 года расстрелял жителя деревни Котлова—Урбановича.

Прокурор: Это тоже был советский партизан?

Неверовский: Да.

Прокурор: Кому подчинялся ваш отряд?

Неверовский: Главному командованию «Армии Крайовой» и польскому эмигрантскому «правительству» в Лондоне.

На этом допрос свидетелей заканчивается.

Суд переходит к допросу подсудимого **Л. Б. Окулицкого**. Подсудимый подтверждает свои показания, данные им на предварительном следствии, о подрывной деятельности в тылу Красной Армии, создании нелегальной военно-политической организации «НЕ» для вооруженной борьбы против Красной Армии, а также в том, что он, Окулицкий, вместе с подпольным «советом министров» вел враждебную СССР пропаганду.

Далее Окулицкий показывает о том, при каких обстоятельствах и с какой целью он прибыл в Польшу. Он сообщает суду, что 25 мая 1944 года он был сброшен с парашютом с английского самолета «Либерейтор» над территорией Польши. Окулицкий был доставлен из Италии, где до того командовал 7-й пехотной дивизией войск генерала Андерса. В Польшу Окулицкий прибыл в качестве заместителя главнокомандующего «Армии Крайовой» генерала «Бур»-Комаровского.

Прокурор: Когда и кем вы были назначены на эту должность?

Окулицкий: Я был назначен генералом Сосниковским в марте 1944 года в Лондоне.

Прокурор: Вы приезжали в Лондон по вызову?

Окулицкий: В Лондон я был вызван генералом Сосниковским.

Подсудимый показывает, что 1 октября 1944 года, после того, как «Бур»-Комаровский принял решение о сдаче в плен немцам, он назначил своим преемником — командующим «Армией Крайовой» Окулицкого.

Прокурор: Какие указания вам были даны перед вашей поездкой в Польшу?

Окулицкий: Перед моей поездкой в Польшу генерал Сосниковский сказал мне, что наступательные действия Красной Армии могут привести к разгрому немецкой армии и захвату Красной Армией всей территории Польши. Это будет угрожать независимости Польши и потому этого необходимо принять соответствующие меры.

Тогда же Сосниковский дал указание Окулицкому создать подпольную, глубоко законспирированную военную организацию. По прибытии в Польшу Окулицкий доложил о полученной им директиве польского эмигрантского «правительства» в Лондоне «Бур»-Комаровскому. Последний сказал, что подобное указание он также имеет и что новая подпольная организация под названием «НЕ» уже формируется.

За несколько дней перед варшавским восстанием Окулицкий был назначен руководителем подпольной организации «НЕ».

Подсудимый подтверждает, что руководимая им организация в дальнейшем действовала по директиве польского эмигрантского «правительства».

Прокурор, напоминая подсудимому о том, что в период, когда Окулицкий являлся командующим «Армии Крайовой», подчиненные ему люди производили убийства советских военнослужащих, спрашивает: кто отвечает за эти убийства?

Окулицкий: Я отвечаю.

Окулицкий признает, что террор против советских военнослужащих особенно широко применялся в западных областях Белоруссии, Украины и Литовской ССР. Окулицкий знал об этом из доклада полковника Фильдорфа, начальника диверсионного отдела штаба главного командования «Армии Крайовой». Фильдорф доложил об установках, которые он дал руководителям подпольных организаций в этих округах: 1) создать в окружных обшарах вооруженные отряды численностью по 50—60 человек; 2) оружие и боеприпасы припрятать; 3) использовать оружие для самообороны, имея в виду оказание вооруженного сопротивления советским властям в случае провала организации «НЕ» и для совершения террористических актов против представителей советских военных властей на территории СССР, а также против офицеров и бойцов Красной Армии.

Окулицкий признает, что он не отменил этих установок, но объясняет, что этому помешало якобы «отсутствие связи» с восточными округами «АК». Он также признает, что в декабре 1944 года ему стало известно о директиве Фильдорфа проводить террор, но утверждает, что случаи террора якобы были единичными.

Окулицкий показывает, что в его приказах говорилось о необходимости проводить самообороны. Когда председательствующий предлагает Окулицкому расшифровать, что значит на его языке «самооборона», Окулицкий уточняет, что это означает «уничтожать противников «Армии Крайовой».

Прокурор напоминает подсудимому, что на следствии он показывал так: «Самооборона должна заключаться в организации разведывательной работы и вооруженном сопротивлении органам советской власти, Временному правительству и советским вооруженным властям в случае провала звеньев организации «НЕ».

Окулицкий все это подтверждает.

Прокурор спрашивает подсудимого, занималась ли организация «АК» разведывательной деятельностью?

Окулицкий: Занималось.

На судебном заседании оглашается текст шифрованной радиограммы, полученной Окулицким из Лондона от главного штаба при польском эмигрантском «правительстве». Указанная радиограмма с предложением развернуть широкую работу по сбору шпионских сведений о Красной Армии была адресована, кроме Окулицкого, еще командантам пяти округов «АК». Этот документ содержит подробный перечень тех сведений, которые должны были регулярно собираться через разведывательные аппараты главного командования «АК» и комендантов округов «АК».

Прокурор: Все эти округа были в вашем подчинении?

Окулицкий: Да.

Прокурор: Следовательно, и там занимались шпионской работой под вашим руководством.

Окулицкий: Я не отрицаю этого.

Прокурор: Вы говорите, что не выполнили приказа советского военного командования о роспуске «Армии Крайовой». Вы сохранили «Армию Крайову» в подполье. Вы спрятали боеприпасы, вооружение, радиостанции, которые подлежали сдаче, и все это сохранили в подполье?

Окулицкий: Да.

Прокурор: Как вы это расцениваете?

Окулицкий: Я это расцениваю как невыполнение приказа командования Красной Армии.

Прокурор: Только ли невыполнение приказа? С какой тогда целью?

Окулицкий: С целью сохранения для будущего.

Прокурор: Против кого?

Окулицкий: Против того, кто будет угрожать.

Прокурор: Назовите государство, которое, как вы считали, будет угрожать?

Окулицкий: Советский Союз.

В этой связи прокурор т. Руденко, приводя выдержки из показаний подсудимого на предварительном следствии, спрашивает:

— На кого вы ориентировались?

Окулицкий: На блок государств против СССР.

Прокурор: Из кого должен был, по-вашему, состоять этот блок: Польша, а еще какие государства?

Окулицкий: Англия...

Прокурор: Еще?

Окулицкий: Еще — немцы.

Прокурор: Значит, — блок с врагами всех свободолюбивых народов — немцами, известными всему миру своей жестокостью, варварством, истреблением мирных жителей?

Под общий смех в зале Окулицкий заявляет:

— Не с немцами, а с Европой.

Далее, отвечая на вопрос прокурора, Окулицкий рассказывает о своих взаимоотношениях с подпольным «советом министров». Подсудимый работал в контакте с Янковским. Оба они были информированы о деятельности друг друга. Тесные взаимоотношения были у Окулицкого и с «Радой Единости Народовой».

Прокурор: Итак, вы сохраняете в подполье вооружение, организуете террористические и диверсионные акты против Красной Армии в тот момент, когда она ведет борьбу с немцами. Это мешает борьбе с немцами или помогает?

Окулицкий: Мешает.

Прокурор: Кому эта деятельность помогала?

Окулицкий: Конечно, немцам.

27 марта 1945 года Окулицкий был арестован.

Председательствующий: И ваша подрывная деятельность против СССР на этом была закончена?

Окулицкий: Точно.

Начинается допрос подсудимого **Звежинского** — председателя партии «Стронництво народове» и вице-президента «Рады Єдности Народової».

Прокурор: Что вам известно о директивах, исходящих от польского эмигрантского «правительства» в Лондоне?

Звежинский: Одна из директив, о которой я узнал в конце января 1945 года, это директива о дальнейшей конспирации.

Прокурор: Как эта директива практически осуществлялась в вашем подполье?

Звежинский: Эта директива осуществлялась в том смысле, что все подполье стеалось в конспирации.

Звежинский далее заявляет: «Якоюович информировал меня, что в Кракове с Янковским обсуждалась возможность создания новой четверки, как органа, который заменил бы подпольный совет министров. Этот орган должен был состоять из представителей четырех главных партий, а именно «Стронництво людове», «Стронництво народове», «Партия Праци» и «ППС».

Говоря о роли, которая возлагалась на четверку, Звежинский сообщает, что имелось в виду представить список членов подпольного правительства Англии, Америке и СССР, чтобы показать, что, дескать, это правительство легализовалось, но в то же время решено было сохранить четверку, так называемый, политический центр для дальнейшей конспиративной работы.

Прокурор: Что вам известно о практической подрывной деятельности в тылу Красной Армии?

Звежинский: Мне известен факт концентрации в Люблинском округе сил «АК» и их борьба. Далее мне известно о взрыве под Люблином, о действии отряда, который действовал в районе Белостокского округа. Затем о взрыве моста на железнодорожной линии Тарнов—Львов, о борьбе двух или трех отрядов, действующих в Люблинском округе...

После допроса Звежинского суд переходит к допросу подсудимого Урбанского, который являлся членом президиума и секретарем подпольной «Партии Праци». Урбанский подтверждает показания, данные им на предварительном следствии.

Допросом Урбанского утреннее заседание заканчивается. (ТАСС).

Вечернее заседание 19 июня

На вечернем заседании продолжался допрос подсудимых.

Допрашивается подсудимый **Чарновский** — председатель правления «Союза демократов», член главной комиссии «Рады Єдности Народової».

Председательствующий спрашивает подсудимого Чарновского — подтверждает ли он показания, которые давал на предварительном следствии.

— Да, подтверждаю, — отвечает Чарновский.

Отвечая на вопросы прокурора, подсудимый Чарновский признает, что он принимал участие в нелегальном совещании, на котором Окулицкий давал оценку обстановки, создавшейся после решений Крымской конференции, и говорил о необходимости создания подпольной организации, задачей которой является подрывная деятельность, направленная против Красной Армии. На этом же заседании обсуждался вопрос о формировании политического центра этой подпольной организации. Чарновский выразил согласие принять участие в подпольной организации.

В ходе дальнейшего допроса Чарновский признает факт ведения организацией «НЕ» пропаганды террора против представителей Красной Армии, признает, что он, как руководитель «Союза демократов», поддерживал связь с членами этого союза, входившими в вооруженные отряды «Армии Крайовой», действовавшими в тылу советских войск.

Председательствующий задает Чарновскому вопрос:

— Вам известно, что Окулицкий не выполнил приказа советского командования о сдаче оружия и боеприпасов, не распустил штабов «Армии Крайовой», а, заняв о роспуске этой армии, в действительности законспирировал ее?

Подсудимый отвечает на этот вопрос утвердительно.

Председательствующий: Как вы считаете — ваша подрывная деятельность вредила общему делу Объединенных наций?

Чарновский: Это, действительно, так.

Подсудимый **Багинский** — вице-президент «Рады Єдности Народової» и заместитель председателя партии «Стронництво людове», отвечая на вопросы председательствующего и прокурора, всячески пытается преуменьшить свою ответственность за подрывную деятельность, направленную против Красной Армии. Показывая о вооруженных отрядах партии «Стронництво людове», так называемых «батальоны хлопских платных», впоследствии в «Армию Крайову», Багинский утверждает, что оружие, которое находилось в руках членов этих отрядов, было их «личным оружием».

Прокурор тов. Руденко разоблачает эту уловку.

Прокурор: Ваши отряды, однако, имели вооружение?

Багинский: Да, имели. Некоторые члены отрядов имели оружие.

Прокурор: Скажите, а сколько человек было в вооруженных отрядах?

Багинский: Около 100 тысяч человек.

Прокурор: Оружие имели, как вы говорите, «некоторые». Сколько же это, примерно?

Багинский: Может быть, процентов 10.

Прокурор: Если даже десять процентов— это десять тысяч вооруженных людей. Вы, как заместитель председателя партии «Стронництво людове», дали указание, чтобы они выполнили приказ советского командования о сдаче оружия?

Багинский: Нет, не дал. Мне это просто не пришло в голову.

Прокурор: Таким образом, вы саботировали приказ советского командования?

Багинский: Нет, мы не давали такого указания, чтобы не сдавали оружия.

Прокурор: Но вы не дали и указания о том, чтобы сдавали?

Багинский: Не додумались...

Подсудимый Багинский пытался утверждать, что он и его партия не доверяли командованию «Армии Крайовой». Однако, как выяснилось из дальнейшего допроса, партия «Стронництво людове» сотрудничала с «Армией Крайовой» и даже направила для постоянной связи с ее командованием своего представителя — Каминского.

Следующим допрашивается подсудимый **Мерзва** — один из руководителей партии «Стронництво людове», член ее центрального комитета.

Мерзва признает, что вместе с Багинским он вел переговоры с генералом Окулицким о создании политического центра подпольной организации.

— Таким образом, — уточняет прокурор, вы были осведомлены о враждебной работе в тылу Красной Армии?

Подсудимый Мерзва признает это и подтверждает, что он знал о намерении генерала Окулицкого создать новую подпольную организацию.

Прокурор: Следовательно, вы признаете себя виновным и ответственным за то, что знали о существовании подпольной организации в тылу Красной Армии и что на заседаниях центрального комитета партии «Стронництво людове» докладывалось о создании этой организации?

Мерзва: Да, признаю.

Подсудимый **Хацинский** — бывший председатель «Партии труда» признает, что знал о том, что «Армия Крайова» распущена формально, а в действительности ее вооруженные отряды продолжают существовать и действовать в тылу советских войск. Прокурор задает вопрос подсудимому Урбанскому — при каких обстоятельствах он информировал Хацинского о решении сохранить в подполье вооруженные отряды «Армии Крайовой»? Урбанский показывает, что это было сделано на заседании руководящего центра «Партии труда», где присутствовал и Хацинский. На этом заседании он, Урбанский, информируя о докладе Окулицкого на конспиративном совещании, сообщил, что роспуск «Армии Крайовой» произведен лишь формально, а в действительности ее штабы сохранены и оружие спрятано. Эти показания полностью подтверждают, что Хацинский был в курсе подпольной подрывной деятельности в тылу Красной Армии. Хацинский признает в судебном заседании, что ему было известно о существовании вооруженных отрядов «Армии Крайовой» после того, как формально эта армия была распущена, а также известно о сохранении в подполье радиостанций, осуществлявших связь с польским эмигрантским «правительством» в Лондоне.

Подсудимый **Кобылянский** подтверждает показания, данные им на предварительном следствии.

Суд переходит к допросу подсудимого **Стемлер-Домбского**.

Отвечая на вопросы прокурора, Стемлер-Домбский показывает, что он являлся служащим департамента информации главной «Делегатуры Жонду» в Варшаве, а с ноября 1944 года был заместителем директора департамента. В этот период Стемлер-Домбский издавал нелегальный радиобюллетень.

Следующим допрашивается подсудимый **Михаловский**.

Отвечая на вопрос прокурора о том, когда он узнал, что «Армия Крайова» фактически не распущена и утаила оружие и боеприпасы, Михаловский отвечает:

— Я слышал о приказе командующего «АК» и заметил, что в нем нет упоминания о том, чтобы сдавать оружие.

Михаловский далее признает, что он узнал от Чарновского о создании нового политического центра подпольной организации, о том, что это — военная организация, созданная для подрывной деятельности, направленной против Красной Армии.

Прокурор: На какой базе создавалась новая подпольная организация?

(Окончание на 2 стр.).

Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины

(Окончание).

Михаловский: В политическом центре этой организации должны были состоять представители партий, находившихся в подполье.

Прокурор: То-есть партий, которые находились в подполье и проводили подрывную, диверсионную работу против Красной Армии?

Михаловский: Да.

Из допроса подсудимого **Стыпулковского** выясняется, что во время вступления Красной Армии в Варшаву он был политическим советником президиума партии «Строниництво народове» и находился в этой должности до середины марта 1945 года, продолжая нелегальную работу в тылу Красной Армии.

Последним допрашивается подсудимый **Пужак** — генеральный секретарь ППС и президент подпольного «парламента» — «Рады Єдности Народовой». Он показывает, что был информирован о деятельности подпольного «правительства» по принципиальным вопросам, но отрицает, что был осведомлен о подрывной работе, о диверсионных и террористических актах в тылу Красной Армии. Однако опросом подсудимых Янковского и Окулицкого прокурор устанавливает, что Пужак был осведомлен о подрывной работе в тылу Красной Армии.

На этом допрос подсудимых заканчивается.

Председательствующий сообщает, что остались неопрошенными еще 11 свидетелей.

Прокурор генерал-майор юстиции Афанасьев заявляет, что, ввиду ясности дела, государственные обвинители отказываются от опроса остальных свидетелей. Такое же заявление делает защита.

Суд определил от допроса указанных выше остальных 11 свидетелей освободить.

Председательствующий сообщает, что по ходатайству подсудимого Окулицкого, следующему накануне, о вызове ряда дополнительных свидетелей, суд вынес решение: трех из числа названных подсудимым Окулицким свидетелей вызвать в судебное заседание. В вызове же остальных свидетелей отказать, так как двое из них на территории Советского Союза не обнаружены, а один — этапирован в дальний лагерь и находится в пути следования.

На этом заседание объявляется закрытым. (ТАСС).

Утреннее заседание 20 июня

Утреннее заседание началось с сообщения председательствующего о том, что накануне Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР по ходатайству обвиняемого Окулицкого решила вызвать трех названных им лиц в качестве свидетелей по делу, о чем были даны соответствующие указания. Сейчас получена справка, что по метеорологическим условиям просимые свидетели самолетом доставлены быть не могут ни сегодня, ни завтра.

Прокурор высказывает мнение, что, поскольку неизвестно, могут ли быть доставлены свидетели по просьбе подсудимого Окулицкого в ближайшие дни, обвинение не видит необходимости задерживать рассмотрение дела, тем более, что вчера, ввиду ясности обстоятельств дела, государственное обвинение отказалось от допроса 11 свидетелей, которые были намечены по списку судебно-медицинского заключения. Прокурор вносит предложение об окончании судебного следствия. Суд считает возможным удовлетворить это ходатайство прокурора.

Суд далее удовлетворяет ходатайство прокурора о выделении в особое производство дела в отношении Пайдака, отсутствовавшего на судебном заседании ввиду своей болезни.

Прокурор просит суд засвидетельствовать о том, что помимо общих сведений об убийствах и ранениях военнослужащих Красной Армии, совершенных участниками «Армии Крайовой», в следственном деле имеются многочисленные документы, подтверждающие каждый отдельный случай убийства или ранений советских военнослужащих. Эти документы представляют собой акты советских военных и гражданских властей, акты военно-медицинской экспертизы, акты судебно-медицинского исследования и т. д. Суд удостоверяет наличие упомянутых прокурором документов.

Председательствующий разъясняет, что подсудимым, после прений сторон, будет предоставлено последнее слово, а те из подсудимых, которые отказались от защитника, перед последним словом будут иметь право выступить со своей защитительной речью.

После перерыва начались прения сторон. Выступили государственные обвинители Главный Военный Прокурор Красной Армии генерал-майор юстиции **Н. А. Афанасьев** и Государственный Советник юстиции 2-го класса **Р. А. Руденко.**

Суд переходит к слушанию речей защиты.

Слово для защитительной речи предоставляется подсудимому Окулицкому, который зачитывает свою речь сам.

В своей речи **Окулицкий** говорит, что в этом процессе речь идет об осуждении деятельности польского подполья, которая была направлена против Красной Армии, угрожала интересам Советского Союза, делу Объединенных наций в борьбе против Германии. Однако, утверждает подсудимый: «Польское подполье имеет большой капитал в своей борьбе с Германией». Признавая свою морально-политическую ответственность за факты подрывной деятельности против Красной Армии, Окулицкий оспаривает обвинение его в организации террора и диверсий против Красной Армии. Он утверждал, что у него, как главнокомандующего «Армии Крайовой», была порвана всякая связь с восточными районами, в которых имела место террористическая и диверсионная деятельность со стороны «АК». В западных районах, — утверждает Окулицкий, — в задачи его не входило руководство, диверсии и террористическая деятельность против Красной Армии отсутствовали.

Окулицкий признает, что обвинением был брошен яркий свет на факты террора со стороны «Армии Крайовой». Он говорит, что это — «потрясающие факты, выставляющие действия «Армии Крайовой» в самом кошмарном виде».

Окулицкий утверждает, что напряженность и многие недоразумения во взаимоотношениях между Польшей и Советским Союзом уходят своими корнями в историческое прошлое, поскольку на протяжении многих десятилетий Польша находилась под гнетом царской России. Ведь мы не знали, — заявляет Окулицкий, — какие изменения произошли в вашей национальной политике, какая у вас произошла внутренняя перемена и перестройка государства.

Возражая прокурору, Окулицкий заявил, что если с политической точки зрения возможно оценивать варшавское восстание как авантюру, то с солдатской точки зрения такая оценка неправильна.

Окулицкий признает себя виновным в невыполнении распоряжений советского командования. Он считает себя виновным в том, что «Армия Крайова» не сдала оружия, боеприпасов, а, наоборот, издала приказ прятать оружие, боеприпасы. Он считает себя виновным в том, что по его приказу были сохранены подпольные штабы и радиостанции, через которые поддерживалась нелегальная подпольная связь с Лондоном, в том, что он создал новую законспирированную организацию «НЕ» и вел враждебную пропаганду против Красной Армии и Советского Союза.

— Недоверие к Советскому Союзу — самая большая моя ошибка. И эта ошибка определяет все доверие к своему правительству, — заявляет Окулицкий.

Окулицкий говорит, что глубоко убежден в необходимости польско-советской дружбы и что только при условии такой дружбы и независимости Польши возможно преуспевание Польши.

Следующим выступает адвокат **Брауде,** защищающий подсудимых «министров» подпольного «правительства» — Бень и Ясюковича.

— Признавая себя виновными, Бень и Ясюкович, — говорит тов. Брауде, — возражали против обвинения их в том, что они собирались в блоке с Германией воевать против СССР. Оба решительно отрицали всякое предположение о том, что знали о конкретных фактах диверсий и подрывной деятельности. Полностью признавая все остальные пункты предъявленного им обвинения, Бень и Ясюкович взяли на себя моральную и политическую ответственность за всю деятельность подпольного «правительства». Вместе с тем на суде они осудили всю свою прошлую деятельность, осудили деятельность своего подпольного «правительства» и деятельность лондонского эмигрантского «правительства», которое фактически ими руководило. И Бень и Ясюкович своими показаниями доказали, что они не стоят на той точке зрения, какой придерживался генерал Окулицкий, и на этой точке зрения стоять не будут.

Оба подсудимых заявили, что они искренне раскаиваются, что они были неправы, что они считают свое прошлое политической ошибкой, как и ошибкой тех, кто руководил ими.

Адвокат Брауде просит у суда о мягком, снисходительном приговоре для подсудимых.

Речью защитника Брауде заканчивается утреннее заседание.

Вечернее заседание 20 июня

На вечернем заседании продолжается слушание речей защиты.

Слово получает адвокат **Плевако,** подзащитным которого является Стемлер-Домбский. Защитник заявляет о своем согласии с прокурором, который отказался от обвинения Стемлер-Домбского.

Слово предоставляется адвокату **Миловидову.** Он защищает подсудимых Кобылянского и Чарновского.

Выступая в защиту Кобылянского, тов. Миловидов говорит:

— Из показаний и материалов предварительного следствия вытекает, что Кобылянский не занимал никакого официального положения и не приступал еще к участию в так называемом подпольном «парламенте». Он был кандидатом в члены этого «парламента» на случай выбытия из него кого-либо. Защитник просит вынести подсудимому Кобылянскому оправдательный приговор.

Говоря о другом своем подзащитном — Чарновском, адвокат Миловидов просит учесть, что Чарновский признал правильность предъявленных ему обвинений.

Защитник просит о смягчении приговора подсудимому Чарновскому.

Адвокат **Маркевич** защищает подсудимых Багинского и Мерзва.

Защитник, указывая, что его подзащитный Мерзва не участвовал в террористической деятельности против Красной Армии, просит суд отказаться от обвинения Мерзвы.

Говоря о подсудимом Багинском — вице-президенте «Рады Єдности Народовой», адвокат напоминает слова прокурора «громкий титул, но мало содержания» и просит о максимальном снисхождении для подсудимого Багинского.

Подзащитными адвоката **Михальского** являются подсудимые Урбанский и Михаловский.

В отношении Михаловского он просит вынести оправдательный приговор.

Переходя к защите подсудимого Урбанского, тов. Михальский говорит:

— Урбанский признал себя виновным. Роль и значение его в данном процессе — второстепенные. Он был исполнителем, находившимся под влиянием других лиц. Он признал ошибочными свои действия и взгляды. Я прошу в отношении **Урбанского** учесть все эти обстоятельства и вынести ему максимально снисходительный приговор.

Адвокат **Оцеп,** защищающий подсудимого Звержинского, заявляет:

— Вся преступная деятельность Звержинского, это — деятельность не подстрекателя, не пособника, но деятельность попутчиков.

Считая, что обвиняемый признал свои заблуждения и преступления, многое передумал и понял, защитник, обращаясь к суду, предлагает применить в данном случае статью 8-ю УК РСФСР, которая проникнута гуманной правовой идеей.

Слово получает адвокат **Казначеев,** защищающий подсудимых Хацинского и Пужака.

Защитник просит об оправдании Хацинского.

В отношении Пужака защитник просит суд, учитывая признание подсудимого применить такую меру наказания, которая не требует длительных сроков лишения свободы.

Председательствующий предоставляет слово подсудимому **Янковскому,** который выразил желание защищать себя лично. Он признает, что несет политическую ответственность за организацию «НЕ», так как был информирован о ее деятельности. Подсудимый Янковский признает также, что его инструкции, посланные в делегатуры, повлияли на обострение отношений с Советским Союзом. Он заявляет, что об актах террора и диверсий участников «АК» в тылу Красной Армии он ранее не знал и считает, что эти акты были ошибочными.

Далее слово предоставляется подсудимому **Стыпулковскому,** который также пожелал защищать себя сам. Стыпулковский говорит, что будучи юридическим и политическим советником партии «Строниництво народове» до марта 1945 года, он не был осведомлен о террористическо-диверсионной деятельности против Красной Армии. Стыпулковский заявляет, что «активная деятельность против Красной Армии во время ее борьбы с немцами я осуждал бы как глупость и преступление против польских интересов». Стыпулковский просит его оправдать.

После перерыва суд переходит к заслушиванию последних слов подсудимых.

Первым говорит подсудимый Окулицкий.

— Я признаю, — говорит он, — что мы совершили на Советский Союз большое покушение, сделали крупные ошибки. Они вытекали из нашего недоверия к Советскому Союзу. А это недоверие вытекало из пропаганды, исходившей от польского правительства в Лондоне.

Реакция советских властей на нашу деятельность и наше присутствие здесь, на скамье подсудимых, вполне понятны, для этого есть достаточно оснований. Я хочу подчеркнуть хорошее отношение советских властей ко мне, как к преступнику, как к арестованному.

Ваш приговор, господа судьи, я приму спокойно, с уверенностью, что ваше решение будет правильным. Я считаю, что я виноват, но я действовал, как солдат.

Подсудимый **Стемлер-Домбский** говорит:

— Я в своем последнем слове хотел сказать о своих убеждениях и надеждах, но ограничусь двумя словами: прошу оправдать меня.

Последнее слово предоставляется подсудимому **Янковскому.**

— Я назову, — говорит он, — этот процесс трагическим процессом. Я назову его так потому, что он происходит в Москве, в столице Советского Союза, в столице страны, чья армия выбросила немцев из Польши, освободила ее. Я назову этот процесс трагическим потому, что он происходит в столице Советского Союза, где недавно был подписан договор о дружбе между СССР и Польшей.

У нас было опасение, что Советский Союз будет угрожать независимости Польши. Это опасение, к счастью, не оправдалось.

В ненормальных отношениях, которые создались между СССР и Польшей, большую роль сыграла та ошибочная политика, которую вело польское правительство в Лондоне.

Как главный делегат лондонского польского правительства в стране, я отвечаю за все, что происходило на территории Польши, и не намерен снимать с себя этой ответственности.

Подсудимый **Кобылянский** заявляет, что он считает свое последнее слово излишним, и просит суд оправдать его.

— Я признаю, — говорит подсудимый **Бень,** — что наша деятельность была преступной. Откуда вытекали наши ошибки? Они вытекали из неправильной политики лондонского польского правительства, которую мы, находясь в подполье, воспринимали неритмически.

— Господин прокурор сказал здесь сегодня, что у Польши может быть только два пути: либо с Советским Союзом, либо с немцами. Это совершенно правильно. С немцами невозможно никакое сотрудничество. Поэтому единственный путь — это тесное дружеское сотрудничество с Советским Союзом. И нужно, чтобы польскую политику взяли в свои руки те деятели, которые не вели ошибочной политики, подобной той, что ведет до сегодняшнего дня польское правительство в Лондоне. На место этих людей должны притти люди с демократическим мировоззрением, которые смогут наладить хорошие отношения с Советским Союзом. И тогда дружба между СССР и Польшей утвердится не на 20 лет, как записано в договоре, а навсегда.

Подсудимый **Михалаовский** просит суд освободить его от наказания и дать возможность скорее вернуться в Польшу, чтобы начать честно работать на благо польского народа, в интересах укрепления советско-польской дружбы.

Последнее слово предоставляется подсудимому **Ясюковичу.**

— Я понимаю, — заявляет он, — что подпольное польское правительство, и я в том числе, стали на ложный политический путь. Стрелка была поставлена неправильно, мы во-время не заторможили и уткнулись в тупик. Я позволю себе приветствовать заявление господина прокурора о том, что нет в мире силы, которая могла бы сорвать советско-польский договор о дружбе.

Подсудимый **Пужак** говорит, что он, как председатель «Рады Єдности Народовой», готов нести ответственность за деятельность. Я признает свою ответственность за пользование нелегальными радиопередатчиками.

Свою ответственность за то, что он знал о существовании нелегальных радиопередатчиков, о совершении диверсионных актов со стороны отрядов «Армии Крайовой», признает подсудимый **Хацинский.**

— Я прошу, — говорит подсудимый **Звержинский,** — чтобы при вынесении приговора, были учтены все мои показания и те доводы, которые представил здесь мой почтенный защитник. Я верю, что будут созданы все условия для осуществления добрососедских и дружеских отношений между СССР и Польшей.

Подсудимый **Чарновский** говорит в своем последнем слове, что он признает себя виновным в участии в подпольной деятельности. Польское подполье, — заявляет он, — в котором я принимал активное участие, сделало много ошибок по отношению к СССР. Эти ошибки вытекали из неправильного понимания сложившейся обстановки.

Подсудимый **Багинский** заявляет, что он не несет ответственности за террористическую и диверсионную деятельность «Армии Крайовой», и подробно говорит о разногласиях и конфликтах в польском подполье.

Подсудимые **Урбанский, Мерзва и Стыпулковский** просят Верховный Суд о вынесении им оправдательного приговора.

Последние слова подсудимых закончены. Суд удаляется на совещание для вынесения приговора. (ТАСС).

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе:

председательствующего — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР генерал-полковника юстиции **Ульрих В. В.**

членов Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР:

генерал-майора юстиции **Дмитриева А. Д.** и

полковника юстиции **Детистова И. В.**

при секретарях:

полковнике юстиции **Батнере А. А.** и

подполковнике юстиции **Кудрявцеве Л. Н.**

с участием представителей государственного обвинения:

Главного Военного Прокурора Красной Армии —

генерал-майора юстиции **Афанасьева Н. А.** и

государственного советника юстиции 2 класса **Руденко Р. А.**

и представителей Московской коллегии адвокатов:

Брауде И. Д., Михальского В. И., Миловидова Н. Н., Казначеева С. К., Маркевича В. П., Оцеп М. А. и Плевако С. Ф.—

в открытом судебном заседании в городе Москва 18—21 июня 1945 года рассмотрела дело по обвинению:

1) **Окулицкого** Леопольда Блажевича, 1898 года рождения, уроженца Краковского воеводства, поляка, польского гражданина, бригадного генерала Польской армии, окончившего Военную академию Польского генерального штаба — в преступлениях, предусмотренных статьями 58—6, 58—8, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР;

2) **Янковского** Ян-Станислава Иосифовича, 1882 года рождения, уроженца Высоко-Мазовецкого уезда, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, заместителя премьер-министра польского лондонского «правительства» с пребыванием в Польше и руководителя подпольного польского «правительства»;

3) **Бень** Адама Валентьевича, 1899 года рождения, уроженца Сандомирского уезда, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, члена президиума «Строниництво людове», министра подпольного польского «правительства»;

4) **Ясюковича** Станислава Игнатьевича, 1882 года рождения, уроженца города Ленинграда, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, члена президиума «Строниництво народове», министра подпольного польского «правительства» —

всех троих в преступлениях, предусмотренных статьями 58—8, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР;

5) **Пужака** Казимира Войцеховича, 1883 года рождения, уроженца города Тернополь, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, генерального секретаря ППС, председателя подпольной «Рады Єдности Народовой»;

6) **Звержинского** Александра Казимировича, 1880 года рождения, уроженца Лодзинского воеводства, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, председателя «Строниництво народове» и вице-президента «Рады Єдности Народовой»;

7) **Багинского** Казимира Станиславовича, 1890 года рождения, уроженца города Варшава, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, заместителя председателя президиума «Строниництво людове», вице-президента «Рады Єдности Народовой»;

8) **Мерзва** Станислава Францевича, 1905 года рождения, уроженца Краковского воеводства, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, члена ЦК и секретаря Краковской организации «Строниництво людове»;

9) **Стыпулковского** Збигнева Францевича, 1904 года рождения, уроженца города Варшава, поляка, польского гражданина, члена президиума «Строниництво народове»;

10) **Чарновского** Евгения Станиславовича, 1904 года рождения, уроженца города Лодзь, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, председателя правления объединения демократических организаций «Союз демократов», члена «Рады Єдности Народовой»;

11) **Хацинского** Иосифа Антоновича, 1889 года рождения, уроженца города Варшава, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, председателя «Строниництво Праци»;

12) **Урбанского** Франца Андреевича, 1891 года рождения, уроженца Варшавского воеводства, поляка, польского гражданина, ответственного секретаря «Строниництво Праци», секретаря главной комиссии «Рады Єдности Народовой»;

13) **Михаловского** Станислава Францевича, 1903 года рождения, уроженца Познанского воеводства, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, заместителя председателя правления объединения демократических организаций «Союз демократов»;

14) **Кобылянского** Казимира Самуиловича, 1892 года рождения, уроженца города Варшава, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, члена «Строниництво народове» и

15) **Стемлер-Домбского** Иосифа Генриховича, 1888 года рождения, уроженца Львовской области, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, заместителя директора департамента информации польского подпольного «правительства» и руководителя отделения книгоиздательства этого департамента —

всех одиннадцати в преступлениях, предусмотренных статьями 17—58—8, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Предварительным и судебным следствием Установлено:

Лондонским польским эмигрантским «правительством» была создана на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Польши, Литовской ССР и западных областей Украинской и Белорусской ССР нелегальная военная организация — «Армия Крайова» («АК»). До сентября 1944 года ее возглавлял генерал прежде **Комиссии «Бур-Комбский»,** с октября 1944 года, после его сдачи в плен немцам, — его заместитель бригадный генерал **Окулицкий** Леопольд.

Руководство деятельностью «Армии Крайовой» осуществляли также председатель подпольного польского «совета министров» **Янковский** Ян-Станислав и его ближайшие помощники **Ясюкович Станислав и Бень** Адам.

После освобождения советскими войсками западных областей Украины и Белоруссии, а также территории Литвы и Польши, обвиняемые **Окулицкий, Янковский, Бень и Ясюкович** явились организаторами и руководителями польского подполья, проводившего активную враждебную деятельность в тылу действующих войск Советского Союза.

Командующим «Армией Крайовой» бригадным генералом **Окулицким** был получен из Лондона от эмигрантского «правительства» ряд шифрованных радиограмм с требованием сохранить вооруженные силы «АК». В радиограмме от 8 декабря 1944 года **Окулицкому** был сообщен полный текст постановления эмигрантского «правительства», в котором предлагалось законспирировать «Армию Крайову» и ее людей и материальные ресурсы.

Выполняя эти указания, генерал **Окулицкий,** с целью обмануть командование действующих советских армий, в декабре 1944 года издал приказ о фиктивном роспуске «Армии Крайовой», сохранив при этом и законспирировав основные кадры «АК» и тщательно укрыв оружие, боеприпасы и действующие радиостанции.

Прикрыв этот «маневр» лжи и обмана, **Окулицкий, Янковский, Бень и Ясюкович** использовали переведенные на нелегальное положение вооруженные отряды и организации «Армии Крайовой» для активной враждебной деятельности против Советского Союза в тылу действующей Красной Армии, освободившей Польшу от немецких захватчиков.

В феврале 1945 года на заседании нелегального «совета министров» в Польше обвиняемый **Окулицкий** внес предложение образовать для руководства созданной им из основных кадров «Армии Крайовой» подпольной военнополитической организации «Неподлеглость» («Независимость», сокращенно «НЕ») — «политический центр» из представителей партии «Строниництво людове», «Строниництво народове», ППС и Союза демократов».

«Совет министров» в лице обвиняемых **Янковского, Бень, Ясюковича** одобрил предложение **Окулицкого** и поручил **Янковскому** вступить в переговоры по этому вопросу с представителями указанных партий.

Основные задачи организации «Неподлеглость» заключались в сколачивании кадров и сохранении оружия и материальных средств для подготовки восстания против Советского Союза, создании боевых отрядов и террористических групп для убийств противников «АК» и советских военнослужащих, совершении диверсий и сборе шпионских сведений в тылу Красной Армии, а также в проведении вражеской пропаганды в отношении Советского Союза.

Террористические и диверсионные группы «Армии Крайовой» в тылу действующих советских армий на территории западных областей Украины и Белоруссии, в Литве и Польше систематически на протяжении 1944 года и в начале 1945 года совершали террористические акты в отношении бойцов и офицеров Красной Армии и диверсии на коммуникациях действующей Красной Армии.

Отряды «АК» производили также вооруженные нападения на советские военные и гражданские учреждения.

По неполным данным, за период только с 28 июля по 31 декабря 1944 года отрядами «АК» было убито 277 и ранено 94 офицеров и бойцов Красной Армии.

Наряду с террористическо-диверсионной деятельностью, местные организации «АК», при непосредственном руководстве **Окулицкого,** выполняя директивы польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, занимались сбором в тылу действующих советских армий и передачей шифров по радио сведений разведывательного характера.

Подпольное «правительство» в Польше и организации «Армии Крайовой», располагая скрытой от советского военного командования разветвленной сетью радиопередающих станций, использовали последние для передачи польскому «правительству» в Лондоне и главному командованию «АК» информации о выполнении ими приказов и директив, шпионских сведений о советских войсках, явно провокационных измышлений о действиях военнослужащих войск Советского Союза на освобожденной от немецких захватчиков территории Польши, тенденциозной и клеветнической информации о политическом положении в освобожденной Польше.

Распространением своих провокационных измышлений руководители подполья в Польше обвиняемые **Окулицкий, Янковский, Бень и Ясюкович** пытались срывать мероприятия советского военного командования.

Систематическое «снабжение» ими польского эмигрантского «правительства» ложной тенденциозно-клеветнической информацией проводилось с целью предоставления этому «правительству» возможности, используя такую «информацию», дезинформировать Британское правительство о действительном положении в Польше, освобожденной войсками Советского Союза от немецких оккупантов.

Проводя свою враждебную Советскому Союзу деятельность, руководство подпольного «правительства» в Польше и «Армии Крайовой» намечало создание после окончания войны в Европе польско-германского военного блока, направленного против Советского Союза. В начале 1945 года **Окулицкий** в своих «директивах» ориентировал местные организации «АК» на подготовку военного выступления в блоке с Германией против Советского Союза, считая, что Германия будет стремиться к желательному для польского эмигрантского «правительства» реваншу против СССР.

На основании изложенного Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР признала доказанной виновность **Окулицкого, Янковского, Бень** и **Ясюковича** в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58—8, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР, а **Окулицкого,** кроме того, — статьей 58—6 Уголовного Кодекса РСФСР.

В отношении обвиняемых **Пужака** Казимира, **Звержинского** Александра, **Багинского** Казимира, **Мерзва** Станислава, **Стыпулковского** Збигнева, **Чарновского** Евгения, **Хацинского** Иосифа и **Урбанского** Франца установлено, что все они, зная о невыполнении руководителями польского подполья приказов советского военного командования о сдаче оружия, боеприпасов и радиостанций, предназначенных для вражеской деятельности против Советского Союза в тылу действующей Красной Армии, скрыли это от органов советского военного командования, совершив тем самым преступления, предусмотренные статьей 58—12 Уголовного Кодекса РСФСР. Обвинение же их в преступлениях, предусмотренных статьями 17—58—8, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР, ввиду недостаточности улик, считать недоказанным.

Виновность **Михаловского** Станислава, **Кобылянского** Казимира и **Стемлер-Домбского** Иосифа, как соучастников **Окулицкого** и других руководителей польского подполья, в преступлениях, предусмотренных статьями 17—58—8, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР, на судебном следствии не получила достаточного подтверждения.

При определении меры наказания подсудимым, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР, принимая во внимание все обстоятельства настоящего дела, исходит также из факта победоносного завершения Советским Союзом Великой Отечественной войны. Учитывая, что в условиях перехода к мирному строительству применение суровых мер наказания вплоть до расстрела, предусмотренных предъявленными подсудимым статьями Уголовного Кодекса, не вызывается необходимостью; Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР —

ПРИГОВОРИЛА:

1) **Окулицкого** Леопольда Блажевича, **Янковского** Ян-Станислава Иосифовича, **Бень** Адама Валентьевича и **Ясюковича** Станислава Игнатьевича, на основании санкции статьи 58—8 Уголовного Кодекса РСФСР, подвергнуть лишению свободы:

Окулицкого на десять лет,

Янковского на восемь лет,

Бень и **Ясюковича** на пять лет каждого;

2) **Пужака** Казимира Войцеховича, **Багинского** Казимира Станиславовича, **Звержинского** Александра Казимировича, **Чарновского** Евгения Станиславовича, **Мерзва** Станислава Францевича, **Стыпулковского** Збигнева Францевича, **Хацинского** Иосифа Антоновича и **Урбанского** Франца Андреевича по обвинению их в совершении преступлений, предусмотренных статьями 17—58—8, 58—9 и 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР, считать по суду **оправданными,** а на основании санкции статьи 58—12 Уголовного Кодекса РСФСР, с применением к **Пужаку, Стыпулковскому, Хацинскому** и **Урбанскому** статьи 51 того же Кодекса, подвергнуть лишению свободы сроком:

Пужака на полтора года,

Багинского на один год,

Звержинского на восемь месяцев,

Чарновского на шесть месяцев,

Мерзва, Стыпулковского, Хацинского и **Урбанского** на четыре месяца лишения свободы каждого, исчисляя всем 12 осужденным срок события ими лишения свободы со дня заключения каждого из них под стражу по настоящему делу;

3) **Михаловского** Станислава Францевича, **Кобылянского** Казимира Самуиловича и **Стемлер-Домбского** Иосифа Генриховича считать по суду **оправданными.**

Вещественные по делу доказательства — документы оставить при деле, а разную радиоаппаратуру конфисковать.

Приговор окончательный и обжалованию в кассационном порядке не подлежит.

Председательствующий — Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР генерал-полковник юстиции
В. УЛЬРИХ.

Члены — члены Военной Коллегии Верховного ССР
генерал-майор юстиции ДМИТРИЕВ,
полковник юстиции ДЕТИСТОВ.

Извещение

25 июня 1945 года, в 8 часов вечера, в Концертном зале открывается

I-е областное совещание работников местной легкой, кооперативной и пищевой промышленности.

Регистрация делегатов в здании облисполкома, 2-й этаж, комната № 1.

Зам. отв. редактора В. Д. ИВАНОВ.

25 июня 1945 года в 12 часов дня, в Нарсуде I участка Вокзального района г. Томска (ул. Р. Люксембург, 38) слушается гражданское дело о разводе супругов Дерстуганова Алексея Гавриловича, 1906 года рождения и Дерстугановой Глафиры Тимофеевны, 1909 года рождения.

Ботанический сад продает капустную рассаду сорт «Слава» в неограниченном количестве, в любое время дня. Цена 5 рублей 100 шт. Место продажи — опытный участок ботсада за станцией Томск I.

ТРЕБУЕТСЯ:

Секретарь-машинистка. Переулок Нахановича, 6, облдрамтеатр.

Адрес редакции и типографии: Советская, № 47, телефоны: отв. редактора — 14-00, зам. отв. редактора — 756, отв. секретаря — 468, отделов: партийной жизни — 994 сельскохозяйственного — 127, промышленного — 994, писем — 601, директор типографии — 355, прием объявлений — 1012.

К302229 Томск, типография «Красное Знамя». Заказ № 2277